

М. РЕВ

О РАБОТЕ НАД ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕН- НЫМИ ТЕКСТАМИ НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

После начального периода изучения языка, когда учащиеся имеют дело в основном с адаптированными текстами, приобретают огромное значение занятия по литературе. При этом мы не отрицаем необходимости работать с тематическими текстами, составленными для закрепления определенных оборотов, но только при изучении художественной литературы студенты получают возможность на практике, в контексте почувствовать разницу между такими словами, как чиновник — служащий, жалованье — заработная плата (зарплата). Например, пересказывая содержание «Шинели» Гоголя или «Бедных людей» Достоевского, студенты могут ошибочно сказать, что служащий Акакий Акакиевич (Макар Девушкин) получил зарплату и решил сшить себе пальто, и только анализ содержания этих произведений поможет им понять семантические и стилистические оттенки данных слов.

На практических занятиях целесообразно использовать короткие рассказы Тургенева и Чехова, сочетая анализ текста — l'explication de textes — и метод так называемого медленного чтения.

После выбора и прочтения текста, изучения его лексики и краткого разбора содержания мы еще раз читаем произведение на занятиях и подробно анализируем каждый абзац.

Такую работу можно провести, например, на рассказе Чехова «Враги», начинающегося с сообщения об одном из главных происшествий этого короткого повествования: «В десятом часу темного сентябрьского вечера у земского доктора Кирилова скончался от дифтерита его единственный сын, шестилетний Андрей»¹.

Важно обратить внимание студентов на то, как писатель умеет несколькими словами создать настроение. В частности, описывая появление Абогина, Чехов группировкой синонимов и повторением слов достигает эффекта светотени: «В передней было темно, и

в человеке, который вошел, можно было различить только средний рост, белое каше и большое чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что, казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...»

Необходимо также отметить словесную самохарактеристику чеховских героев. В первых же предложениях выступают основные свойства двух действующих лиц новеллы: один из них разговорчив, даже болтлив, другой — врач — молчалив и, пожалуй, угрюм. Интересно проанализировать короткие констатирующие реплики Кирилова и длинные тирады — с повторениями и многоточиями — Абогина.

При разборе заслуживают внимания приемы, с помощью которых Чехов раскрывает переживания Кирилова, подчеркивая безмолвность его горя, машинальность его действий. Создается впечатление, что смерть сына действовала на него неестественно, он странно спокоен: «... он в зале поправил на негоревшей лампе мохнатый абажур и заглянул в толстую книгу, лежавшую на столе...»; «... в эти минуты у него не было ни намерений, ни желаний, ни о чем он не думал...».

Описание комнаты, в которой умер мальчик, еще более оттеняет это странное психологическое состояние врача: «Здесь, в спальне, царил мертвый покой». В по-

¹ Рассказ «Враги» цитируется по полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова. т. 6. М., 1946, стр. 26—38.

следующих строках мы находим двенадцать разных слов и выражений, которые являются синонимами покоя или дополняют, обогащают его значение, например: недавно пережитая буря, утомление, все отдыhalo, лежал, не двигался, не шевелилась, покойная и удобная поза, утомленное тело. И, наконец, последнее предложение абзаца еще более усиливает вызванное автором впечатление: «... все замерло и казалось погруженным в покой». Чехов не боится сказать о своем герое: «лицо его выражало равнодушие». Равнодушие выступает здесь как обобщение поведения врача. Но сразу же после этого дается выразительное и лаконичное описание пережитого горя, антитеза равнодушия: «... только по росинкам, блестящим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал». Не случайно, что после этой картины следует авторская ремарка, которая как бы приоткрывает нам творческую лабораторию Чехова: «Тот отталкивающий ужас, о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне. Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогательное сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовала и в угрюмой тишине».

В этих словах — лирическое осмысление человеческих страданий, в них выражены симпатия и сочувствие писателя к врачу и его скорби.

Следует обратить внимание студентов на то, как получает свое

смысловое и композиционное завершение тема «единственного сына», с которой начинается повествование: «Кирилов и его жена молчали, не плакали, как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения: как когда-то, в свое время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей! Доктору сорок четыре года, он уже сед и выглядит стариком; его поблекшей и больной жене тридцать пять лет. Андрей был не только единственным, но и последним».

Во второй половине рассказа чувство горя все больше отходит на задний план, его место занимают раздраженность, оскорбления, злоба и вражда. Два человека, сосредоточенные каждый на своем горе, вступают в драматически накаленный конфликт.

Чехов не идеализирует ни ту, ни другую сторону, но оценка писателя скрыто присутствует в своеобразии структуры и композиции, в специфике диалога, в группировке эпитетов и синонимов.

При анализе этого рассказа необходимо постоянно учитывать сложность поэтики Чехова.

Нельзя, к сожалению, в рамках одной статьи проиллюстрировать полностью своеобразие и богатство языка Чехова, как это делается на семинарских занятиях.

Анализ этого рассказа, как нам кажется, поможет нерусским учащимся понять красоту и своеобразие чеховского языка; он даст им примеры использования некоторых наиболее трудных конструкций русского языка, например причастных и деепричастных оборотов (вороны, разбуженные шумом колес, страстная речь, сказанная на могиле; по росинкам,

блестевшим на его бороде; сказал он, хватая Кирилова за рукав); оттенит значение различных предложений (слышно было, хотелось думать, заметно было) в сочетании с такими словами, как почему-то, может быть, по-видимому, кажется, как будто, очень характерных для всей прозы Чехова, поскольку они снимают категоричность суждений, наталкивают читателей на осмысление и выяснение собственного отношения к прочитанному.

Конечно, для анализа можно использовать и другие рассказы Чехова, которые имеют совершенно иную тональность: «Случай из практики», отрывки из рассказов «Дом с мезонином» или «Невеста», коротенький рассказ «Студент».

Нам кажется, что семинарские занятия по литературе призваны развивать у студентов восприятие специфики языка писателя.

Здесь говорилось прежде всего о русской литературе XIX века, но русская советская литература предоставляет такие же возможности, достаточно назвать отрывки из «Хождения по мукам» А. Толстого и «Первых радостей» Федина, рассказы Паустовского и «Судьбу человека» Шолохова. Можно также использовать короткие рассказы молодых советских прозаиков.

Такая работа приобретает особенно большое значение в наши дни, когда перед нами стоит задача подготовить всесторонне развитых специалистов, знающих историю, культуру, мышление, духовный облик и склад народа, язык которого они изучают не просто ради того, чтобы говорить на одном из иностранных языков, но и для того, чтобы больше знать о прошлом и настоящем дружественного нам народа.